

ИСТОРИОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА РУССКОГО МИРА (НРАВСТВЕННО- РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ)

УДК 304.42

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-32-42>

Ю. В. Кот

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: kotkot_76@mail.ru

Аннотация: Актуальной проблемой современной культурной политики России является создание программ духовного и нравственного содержания, направленных на выявление ценностей и смыслов Русского мира и воплощение их в действительность. Для решения этой проблемы в статье предпринята реконструкция классического содержания русской идеи, отрефлексированно-го в традициях отечественной философской культуры. В центре внимания три группы источников: православное богословие, религиозная философия и русская литература. Особое внимание уделено анализу «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, в котором задана историософская парадигма русской духовной культуры, реализованная в религиозном и нравственном аспектах. Показано, что «Слово» прочитывается в контексте нравственной философии как первый текст древнерусской книжности, заложивший корневую традицию этикоцентризма русской мысли, развитой в дальнейшем в отечественной философии и литературе. В этом контексте рассматривается аритмологическая концепция бытия, разработанная Н. В. Бугаевым, П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым и др. В статье делается акцент на размышления Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, И. А. Ильина о русской идее и, соответственно, русской историософии, имеющей важное значение для структурирования духовного содержания Русского мира, выходящего в сферу общественно-политического и нравственного идеала. В общественно-политической сфере – это удержание мира от хаоса и распада, в нравственной – идея оправдания и спасения человека. Делается вывод, что исследование, выявление и культивирование историософской парадигмы Русского мира становится важнейшей задачей современной культурной политики.

Ключевые слова: современная культурная политика России, Русский мир, русская идея, подвиг Русскости, Катехон, историософия, эсхатология, нравственное бытие, православие, духовная культура.

Для цитирования: Кот Ю.В. Историософская парадигма русского мира (нравственно-религиозные аспекты) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №2 (112). С. 32-42. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-32-42>

КОТ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – декан факультета медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств, Московский государственный институт культуры

КОТ YURI VLADIMIROVICH – Dean of the Faculty of Media Communications and Audiovisual Arts, Moscow State Institute of Culture

© Кот Ю.В., 2023

HISTORIOSOPHICAL PARADIGM OF THE RUSSIAN WORLD (MORAL AND RELIGIOUS ASPECTS)

Yuri V. Kot

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation
e-mail: kotkot_76@mail.ru

Abstract: The urgent problem of the modern cultural policy of Russia is the creation of programs of spiritual and moral content aimed at identifying the values and meanings of the Russian world and the embodiment them in reality. To solve this problem, the article has reconstructed the classical content of the Russian idea, reflected in the traditions of Russian philosophical culture. There are three groups of sources in the focus: Orthodox theology, religious philosophy and Russian literature. Particular attention is paid to the analysis of the «Words of Law and Grace» by Metropolitan Hilarion, in which the historiosophical paradigm of Russian spiritual culture was set, implemented in religious and moral aspects. It is shown that the «Word» is read in the context of moral philosophy as the first text of ancient Russian book, which laid the root tradition of the ethnocentrism of Russian thought, developed in the future in Russian philosophy and literature. This context considers the arrhythmological concept of being developed by N. V. Bugaev, P. A. Florensky, S. N. Bulgakov and others. The article focuses on the reflections of F. M. Dostoevsky, N. A. Berdyayev, E. N. Trubetskoy, S. L. Frank, I. A. Ilyin about the Russian idea and, accordingly, Russian historiosophy, which is important for structuring the spiritual content of the Russian world, which goes into the sphere of the socio-political and moral ideal. In the socio-political sphere, it is the retention of the world from chaos and collapse, in moral – the idea of justification and salvation of man. It is concluded that the study, identification and cultivation of the historiosophical paradigm of the Russian world is becoming the most important task of modern cultural policy.

Keywords: modern cultural policy of Russia, Russian world, Russian idea, the feat of Russianness, Catechon, historiosophy, eschatology, moral being, Orthodoxy, spiritual culture.

For citation: Kot Y.V. Historiosophical paradigm of the russian world (moral and religious aspects). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 2 (112), pp. 32-42. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-32-42>

Один из насущных вопросов современной культурной политики России – это проблематика, связанная с различными аспектами исследования Русского мира. Эта проблематика также находится сегодня в эпицентре гуманитарного дискурса и общественно-политических дискуссий. Сама проблематика, возникшая в начале 90-х годов XX столетия, в последние годы, и особенно с началом СВО, приобрела фундаментальный стратегический характер, включающий большое количество исследований. Сложилась ситуация «многоголосицы», которая, с одной стороны, свидетельствует об актуальности этой темы, если исходить из количественных параметров пу-

бликаций, с другой стороны, свидетельствует о преобладании стереотипных и в целом конъюнктурных подходов, акцентирующих внимание на какой-то одной стороне вопроса (геополитической, лингвистической, географической и т. д.) [20, с. 151].

Мы полагаем, что типология подходов к анализу содержания понятия «Русский мир», предложенная авторами монографии «Философия русской идеи», вполне исчерпывающим образом отражает сложившуюся ситуацию. Это четыре подхода к Русскому миру, суть которых в следующем: 1) геополитическая реальность; 2) геоэкономическая реальность; 3) неповторимая этнокультурная

общность людей, проживающих не только в России; 4) православная цивилизация [11, с. 210]. Большинство трактовок Русского мира будут соответствовать одной из этих позиций.

Очевидно, что онтологическая конфигурация Русского мира только складывается, и мы являемся свидетелями этого судьбоносного процесса в отечественной истории и культуре. Цель статьи заключается в выявлении и анализе «историософской парадигмы Русского мира» через раскрытие ее нравственно-религиозных аспектов. Задачами статьи являются: 1) рассмотрение классического историософского понимания русской идеи, наиболее полно отрефлексированное в традициях русской религиозной философии и православного богословия; 2) выявление инвариантного ядра русской историософии; 3) обоснование практического воплощения духовного содержания русской идеи в формировании Русского мира как актуальной задачи современной культурной политики.

Историософия в самом общем плане есть поиск смысла в истории, в религиозном аспекте – поиск провиденциального, часто трагического и драматического, смысла мира и человеческой жизни. «Для христианина все в мире имеет смысл, – отмечает исследователь русской эмиграции М. Н. Назаров, – в том числе и катастрофы – они дают опыт катарсиса, который, пожалуй, иным образом получить было нельзя. В этом – глубочайший и единственный положительный земной смысл российской трагедии» [16, с. 19]. Важно здесь сделать акцент на нравственный, а не только на теоретический аспект понятия смысл; все в мире имеет *нравственный смысл*, поскольку речь идет о *катарсисе* – нравственном очищении через прохождение исторических катастроф и трагедий. Теория же «аксиологически нейтральна», она исследует законы и закономерности исторического процесса вне каких-либо моральных характеристик самого исследователя.

Историософский подход стремится обосновать идею о том, что исторический процесс является не набором разрозненных случайных

событий, фактов и явлений в бытии народов, подчиненных логике выживания и сохранения своего эмпирического существования, но неким целостным процессом, имеющим высшую, *метафизическую цель* (духовное задание, миссию). И у каждого народа своя собственная национальная миссия, что является важным цивилизационным фактором различия между ними. Каждый народ самобытен, поскольку самобытна его высшая цель. Но сама *история человечества* есть драма его бытия, в которой силы хаоса и деструкции часто оказываются сильнее жизнеутверждающих идеалов.

На Западе историософские построения все-таки исключения из магистрального рула рационалистического толкования истории, в то время как в России – это фундаментальное философское течение, идущее от самих истоков русской философии. Существует мнение, что именно Н. Я. Данилевский стал основоположником самобытной русской историософии: «Н. Я. Данилевский заложил основы русской историософии и геополитики, не западной и не славянофильской, а именно русской» [5, с. 288]. Суть этой *историософской русскости* Н. Я. Данилевского в том, что она отрицает общечеловеческую цивилизацию, в контексте которой Россия призвана, как считали славянофилы, решать общечеловеческие задачи. Таких задач не существует, поскольку культурно-исторический тип каждого народа предполагает развитие собственных национальных принципов и ценностей. Россия как самобытный культурно-исторический тип, безусловно, имеет собственную национальную основу.

Религиозная историософия, таким образом, – это метафизика мирового духа, глубоко и оригинально проявляющегося в национальной истории и культуре. Но не всякая национальная философия способна расслышать и понять свое национальное задание. И поэтому бытие человечества разнообразно, прежде всего, в своих национальных философских конфигурациях. Содержательное наполнение русской национальной основы, историософ-

ской русскости, относится к философско-богословским разработкам русской идеи, в которой заложена историософское своеобразие и историософская миссия русского народа. При общем понимании высокой духовной миссии России, ее нравственного призвания, все же ортодоксальная историософия имеет некоторые отличия от религиозно-философской.

Примером «строго воцерковленной русской историософской мысли» представляются труды архимандрита Константина (Зайцева). Это выдающийся мыслитель Русского Зарубежья, создавший историософскую концепцию миссии русской эмиграции и в целом – миссии России как всемирного «удерживающего» и преапокалиптического состояния современного мира. Его ценное наследие сегодня возвращается в Россию.

Миссия русской эмиграции в том, что «она сохранила свою органическую принадлежность к Исторической России, продолжая быть носителем «подвига Русскости» [1, с. 158]. Очень сильное выражение «подвиг Русскости», могущее употребляться не только применительно к эмиграции, но и как сохранение в целом своей национальной, духовной, исторической, культурной идентичности в мире. С этим связана особая судьба и, соответственно, духовная миссия России – чувствовать приближение конца истории, но не в смысле Ф. Фукуямы, а в смысле христианской эсхатологии: «Завершительным же событием в этом процессе явилось разрушение Русского Православного Царства, явившееся следствием духовного разложения Православной Русскости, бывшей одновременно и творением Русского Православного Царства, и его существом. История тем кончилась. Наступила стадия конца» [10, с. 571]. Комментируя эти слова богослова, современный исследователь В. Ю. Даренский, отмечает: «Россия стала центром и завершением мирового исторического процесса, поскольку была хранителем Православия и Катехона. Именно здесь поэтому и произошла главная катастрофа, положившая начало движения

земного человечества к гибели» [4, с. 88]. Это историософская концепция Православного Катехона – духовной силы, удерживающей мир от окончательного разложения и гибели. И пока существует Россия, существует и мир. «Историческая Россия есть и конец Истории, – говорит арх. Константин, – Историческая Россия замыкает Историю: так мыслит Церковь, земным телом которой была Историческая Россия. Продление Истории есть проблема восстановления России» [10, с. 787].

Таким образом, восстановление, возрождение России является залогом того, что история продолжится. И Русский мир в этом смысле является духовным пространством Катехона. Близкие взгляды высказывали и другие видные иерархи Русской Православной Церкви: праведный Иоанн Кронштадтский в своих сочинениях; митрополит Антоний (Храповицкий) в книгах «Ф. М. Достоевский как проповедник возрождения», «Молитва русской души», «Сила Православия»; свт. Серафим (Соболев) в труде «Русская идеология»; митрополит Вениамин (Федченков) в воспоминаниях «Лики Святой Руси»; священномученик Иоанн Восторгов в проповедях «О судьбах России», «Историческое призвание России»; архиепископ Аверкий (Таушев) в работе «Истинное Православие и современный мир»; архиепископ Никон (Рклицкий) в сборнике своих статей и проповедей «Мой Труд в Винограднике Христовом»; архиепископ Никон (Рождественский) в дневниках «Православие и грядущие судьбы России»; священномученик Иларион (Троицкий) в сборнике трудов «Преображение души»; митрополит Иоанн (Снычев) в книге «Самодержавие духа» и другие.

Русская религиозная философия отличается особым вниманием к историософской проблематике, к вопросам об историческом пути России, ее культурном своеобразии и духовном предназначении. В отличие от просвещенных, но строгих иерархов Церкви, которые видели миссию русского народа в том, что он является носителем и хранителем православия – последнего оплота добра и света в греховном мире, находящемся на грани катастро-

фы, большинство религиозных философов были светскими людьми. Они внесли в исторический горизонт ценности и смыслы, выходящие за пределы строгой ортодоксии, но принимая его основной духовный посыл.

Согласно совокупному опыту русских философов классического периода (XIX – начало XX вв.) русская идея – идея вселенская. Это не противоречит идеям Н. Я. Данилевского, поскольку «вселенское» не тождественно «общечеловеческому» в либеральном смысле. И в этом гораздо большее расхождение между религиозными философами и либеральной интеллигенцией, нежели между ними и церковными иерархами. Свидетельством этому стал знаменитый сборник «Вехи», в котором дана жесткая критика утопической идеологии леволиберального лагеря со стороны религиозных философов.

О вселенской сущности русской идеи, в которой нет никакого националистического эгоизма, писали многие авторы. Вяч. Иванов в работе «О русской идее» определил ее суть как сочетание родного и вселенского, что является христианским универсализмом, лишенным как узкого национализма, так и беспочвенного космополитизма. В такой же тональности размышляли другие русские философы – Н. А. Бердяев, Е. Н. Трубецкой, Л. П. Карсавин, раньше Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев. Истоки этой идеи в философии А. С. Хомякова, П. Я. Чаадаева, Любоумудров (Д. В. Венивитинова, В. Ф. Одоевского), славянофилов, П. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, в поэзии Тютчева.

Несколько иное видение русской идеи представляет И. А. Ильин. Он рассматривает русскую идею не в плане общечеловеческого единения, как В. С. Соловьев, но в контексте драматической судьбы русского народа. И в этом смысле русская идея Ильина становится программой национального возрождения России. В чем же ее сущность? В своей последней крупной книге «Наши задачи» он пишет, что «русская идея есть идея *сердца*. Идея *созерцающего сердца*. Сердца, созерцающего свободно и предметно; и передающего свое

видение *воле* для действия, и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию. А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды» [8, с. 420]. Будучи универсальной, она пронизывает все уровни русской духовной культуры. Она проявляется и в русском православии, в русской истории и в русской душе. Ее можно обнаружить и в добродушии русских сказок, и в русском гостеприимстве, и в русской поэзии, литературе, музыке, живописи.

Также значимо понимание Ильиным подлинного национализма, который у него тождествен христианскому национализму и патриотизму. Это явления «высокого духа». В книге «Основы христианской культуры» есть глава, которая называется «О христианском национализме». В ней Ильин пишет: «Истинный национализм есть не темная, антихристианская страсть, но *духовный огонь*, возводящий человека к жертвенному служению, а народ – к духовному расцвету» [7, с. 326].

Большое значение для структурирования духовного содержания русской идеи, выходящей в сферу общественного идеала, имеет понятие соборности. «Формирование идеального социального состояния происходит путем «просветления» социальной материи идеей соборности» [13, с. 96], – отмечают современные исследователи на примере исторической философии С. Л. Франка. Безусловно, соборность, как интегральная характеристика отечественного дискурса всеединства, присуща не только С. Л. Франку [28]. Как религиозно-философское понятие соборность означает удержание распадающегося мира на всех уровнях (биологическом, психическом, индивидуальном, социальном, культурно-историческом) и является близким синонимом богословскому понятию Катехон.

Однако начало всем историософским концепциям русской философии положено в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, в котором даны основания историософской парадигмы Русского мира, становление которых доходит вплоть до нынешнего времени. В этом древнейшем памятнике древнерусской литературы, «одном из самых древних отечественных историософских сочинений» [14, с. 103], представлено богословское осмысление места Русской церкви в христианской истории и, соответственно, определена историческая судьба русского народа в контексте религиозного миропонимания. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев), таким образом, выявляет промыслительный характер религиозной миссии русского народа, исходя из «Слова о законе и благодати»: «Русская судьба и дальше видится Илариону как результат непрерывного промыслительного попечения. ... Митрополит говорит о Боге определенной роли именно для русского народа, «спотыкавшегося» ранее «на путях погибели». ... Цель этого всенародного единения в духе церковного миропонимания – сохранить чистоту веры, удержать ее апостольскую спасительную истину, «святых Отцов Семи Соборов заповеди соблюдая». Здесь – корни русской державности, понимающей государственную мощь не как самоцель, а как дарованное Богом средство к удержанию народной жизни в рамках евангельской непопечности» [15, с. 7–8].

Таким образом, исток формирования русской идеи как духовного содержания Русского мира и в дальнейшем – всей традиции ответственной культуры – у митрополита Илариона. Важны в этом контексте слова выдающегося русского мыслителя, критика и литературоведа В. В. Кожина: «Для меня нет сомнения, что глубокое изучение «Слова о законе и Благодати» способно доказать, что в нем уже начинало складываться то целостное понимание России и мира, человека и истории, истины и добра, которое гораздо позднее, в XIX–XX веках, воплотилось с наибольшей мощью и открытостью в русской классической

литературе и мысли – в творчестве Пушкина и Достоевского, Гоголя и Ивана Киреевского, Александра Блока и Павла Флоренского, Михаила Булгакова и Бахтина» [9, с. 71].

Интересно отметить, что выдающиеся западные авторы – философы, писатели, поэты, переводчики, режиссеры – тоже иногда были озарены метафизическим светом русской идеи и русской культуры. Некоторые написали выдающиеся труды по русской идее: В. Шубарт «Европа и душа Востока», Лесс Кэрик – работы о Достоевском, Ф. Шпидлик «Русская идея. Иное виденье человека» и др. Не будет преувеличением сказать, что они были поражены и даже зачарованы непостижимостью России, ее непохожестью на другие культуры (и прежде всего, на западную), ее глубоко трагическим и апофатическим духом. И главное, что они видели в России реальную альтернативу гибельному западному пути, ведущему к смерти Бога, смерти человека и концу истории.

Современная картина мира исключает метафизические измерения из жизни и истории, такие как таинственность, непостижимость, трагичность исторической судьбы человечества и человека в ней. А значит, не предполагает нравственной ответственности за судьбы бытия. В современной системе ценностей преобладает гедонистический и цинический образ жизни. Здесь господствует установка, что жизнь конечна, сущностно бессмысленна и прожить ее нужно как можно успешнее и комфортнее в условиях максимальной нестабильности и повышенного риска. Поэтому так важна идея безопасности, прежде всего, личной безопасности. Больше идеи (метанарративы) представляют собой угрозу для такого существования. А само существование становится экономическим, здесь человек – Homo economicus, для которого не существуют нравственный Абсолют и метафизическая Истина.

В «Слове о законе и благодати» дано философско-богословское осмысление Крещения Руси и фигуры князя Владимира. Обращение в истинную веру есть чудо, действие благодати. Именно здесь – исток *мировоззрения неслучайности*, являющийся антиподом

секулярного мировоззрения. Хотелось бы отметить точку зрения Льва Гумилева, который также говорит о благодати, о том, что выбор веры, правильный выбор, был актом спасения [3, с. 62]. И этот выбор есть чудо, чудо неслучайности, поскольку можно было примкнуть и к мусульманству, и к католицизму, и к язычеству. И через Крещение Россия, имеющая свое предназначение, вписывается в историю как равноправный народ с другими христианскими народами.

Но предназначение не столько *данность*, сколько *заданность*. Это этическая категория, предполагающая вектор движения от сущего к должному. И мы видим, что поиск своего исторического предназначения – существенная черта отечественной нравственной философии. Отказ от такого поиска – уход в эмпирическую плоскость истории, где властвуют лишь законы хищничества, борьбы за выживание, неравенство, угнетение, капиталистическая форма жизни. С точки зрения рыночно-либеральной идеологии – это норма, в которую нужно встраиваться; все это возведено в «объективные» законы истории. Вот почему Западу всегда была непонятна Россия, которая никогда не принимала безнравственные законы за норму.

Максимум духовной историософии достигается в концепции «Москва – Третий Рим», в которой на первом месте миротворительная идея о приоритете духовных и нравственных ценностей над материальными. В конечном счете – это напоминание миру о том, что в мире есть духовность, и что не хлебом единым жив человек. Это, конечно, исконная христианская идея, которая, увы, постоянно подвергается забвению. В проекции на философию эта идея выражается в такой типологической черте как *поиск смысла жизни*. Только человек, как духовно живое и здоровое существо, способен на это метафизическое дело, на вопрошание о высшем смысле жизни, истории и бытия.

Русская философия всегда искала альтернативный, основной на духовных, а не на биологических принципах существова-

ния путь. Многие представители русского религиозно-философского ренессанса писали об этом. Особенно сильно эта идея прозвучала у Е. Н. Трубецкого в работах «Два мира в древнерусской иконописи» и «Смысл жизни», в которых показано, что духовный строй жизни, явленный в древнерусской иконописи, представляет собой существенное отличие от строя, в котором господствуют эгоистические, основанные на взаимной вражде принципы. Россия никогда не принимает этот перенос с животного мира на социальный, в то время как Запад узаконивает именно социальное хищничество, используя правовые моменты в качестве ограничительных. Мораль здесь оказывается личным, по сути, маргинальным делом. В России же мораль, нравственное измерение первично и основополагающе. И это не исключительно русская ценность, но всечеловеческая, ставшая в России основанием бытия и нравственным заданием. Это не привилегия, но вселенская ответственность.

Кроме всечеловеческого измерения еще одна важная особенность русской историософии в том, что она всегда на грани и на пределе, она сущностно *эсхатологична*. Русское историософское сознание всегда перед бездной, в пограничной ситуации, в предчувствии вселенских катастроф. Мир всегда на краю гибели, на краю смерти, и только в этом положении свершается подлинное бытие. То, к чему западный экзистенциализм, особенно в лице М. Хайдеггера пришел лишь в XX веке, а именно к идее, что подлинное бытие открывается лишь в ситуации «*Sein zum Tode*» (Бытие-к-смерти), русская мысль выстрадала в подвиге борьбы со смертью и злом задолго до этого в своей истории. Нравственная основа эсхатологической мысли в том, что она разоблачает ложь «стабильного» бытия в нестабильном мире, «вечный мир» в мире войны, «вечную жизнь» в смертном мире. «Потревоженный дух», как выразился В. Розанов, бьется в сердце русской историософии и заставляет искать правду, истину, добро – нетленные ценности в тленном мире.

В этом контексте необходимо указать на *аритмологическую концепцию бытия*, разработанную русским ученым-математиком и философом, одним из видных представителей Московской философско-математической школы Н. В. Бугаевым. Согласно этой идее историческое бытие человечества не подчинено принципам непрерывной эволюции, а представляет собой разломанную, разорванную, пробитую небытийными трещинами трагическую историю. Никакой причинно-следственной связи между событиями не существует, поэтому бытие сущностно непостижимо. Но именно таким образом возможно понять, почему есть зло и смерть, почему есть такие катаклизмы, как войны и революции.

Аритмологическое мироощущение было свойственно многим русским писателям и философам. Можно вспомнить пушкинские строки: «Есть упование в бою...» и мысль Достоевского: «Бытие только тогда есть, когда ему грозит небытие». Среди философов ближе всех к аритмологии П. А. Флоренский. В своей фундаментальной работе «Столп и утверждение истины» он пишет: «Если мир познаваемый надтреснут, и мы не можем на деле уничтожить трещины его, то не должны и прикрывать их. Если разум познающий раздроблен, если он – не монолитный кусок, если он самому себе противоречит, – мы опять-таки не должны делать вида, что этого нет. Бессильное усилие человеческого рассудка примирить противоречия, вялую попытку напрячься давно пора отразить бодрим признанием противоречивости» [19, с. 157].

Кроме П. А. Флоренского такое мироощущение присуще С. Н. Булгакову, Н. А. Бердяеву, С. Л. Франку, В. В. Зеньковскому, Н. О. Лосскому, В. Ф. Эрну. Аритмологическое восприятие дает объемное, многомерное видение бытия, которое не подчиняется только законам природного детерминизма. Вне этого видения мир будет казаться плоским, одномерным, таким, каким мыслится в секулярной парадигме западничества – и российского, и зарубежного.

Историософская парадигма русской мысли проявила себя еще в одном крайне важном аспекте, который можно обозначить как *нравственное оправдание бытия*. Это типологическая особенность отечественной философии, заключающаяся в применении моральных критериев к тем феноменам, которые в западной традиции считаются аксиологически нейтральными. Прежде всего, это относится к онтологии и к гносеологии, то есть к бытию и возможностям его познания. Аксиология относится собственно к человеку, к миру культуры и социальным практикам. Такая дифференциация философского знания идет от Аристотеля, от его дисциплинарного разделения областей философии и закрепления за ними своего собственного статуса.

В русской философской традиции обнаруживается иной порядок вещей и ценностей. Русская мысль всегда исходила из моральных постулатов христианской этики: «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле» (1Ин 5:19). Это очень важное положение, не позволяющее смешивать Творца и творение (как в манихействе, гностицизме), но требующее строго различать сотворенное благое бытие и испорченный по греховной человеческой воле мир. В проекции на философию это приводит к положению о том, что бытие – это «больное бытие». Н. А. Бердяев в книге «Философия свободы» выразил это предельно внятно: «Бытие заболело: все стало временным, т. е. исчезающим и возникающим, умирающим и рождающимся; все стало пространственным, т. е. ограниченным и отчужденным в своих частях, тесным и далеким; стало материальным, т. е. тяжелым, подчиненным необходимости; все стало ограниченным и относительным, подчиненным законам логики. Наш “эмпирический” мир есть действительный мир, но больной и испорченный; он воспринимается таким, каков он есть в данном своем дефектном состоянии, а не таким, каким его конструирует субъект» [2, с. 116]. И далее: «Бытие в этом болезненном состоянии атомизируется, распадается на части, и все отчужденные части связываются

насильственно, поработаются необходимостью, образуется тяжелая материя» [2, с. 130].

Данный тип мысли представляется «еретическим» для классического западного рационализма. Эта онтологическая болезнь поражает человека, исцелить которого возможно лишь духовно-нравственным путем. И это и есть основная задача русской философии: *нравственно исцелить человека*, по крайней мере, наметить пути такого исцеления. Все остальные проблемы, связанные с познанием мира, оказываются второстепенными. Примечательно то, что «Слово о законе и благодати» прочитывается в контексте нравственной философии как первый текст, задавший корневую традицию *этикоцентризма русской мысли*. «Времена на земле русской меняются, – отмечает А. Макаров, – а жажда полнокровной духовной жизни не убывает, поскольку за этой жаждой скрывается стремление к нравственному совершенствованию человека и народа в целом. И потому так жизненно важен и многозначен сегодня живой интерес к «Слову о законе и благодати» первого русского митрополита Киевского – Илариона» [12, с. 89]. О нравственной историософии «Слова» говорит В. В. Кожин: «“Политические вопросы” становятся в «Слове о законе и Благодати» подосновой глубокой, полной значения *историософской* концепции, а “решение” этих вопросов совершается на пути утверждения высших *нравственных* идеалов, которые обобщены в понятии *Благодати*» [9, с. 70].

В России право в большей мере нравственная, а не юридическая категория. Право – это Правда и Справедливость, откуда и вытекает главная идея – *идея оправдания человека*. В западной теодицее речь шла об оправдании Бога. Но в России оправдывают не Бога, а человека – и в глазах Бога, но в большей мере – в глазах других людей, то есть *в свете совести*. Как говорил выдающийся русский композитор Г. В. Свиридов: «*Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть – вот что Россия принесла в мировое сознание*» [17, с. 274]. Как гениальный художник, обладавший особым чувство-

ванием эстетического мира возвышенного и прекрасного, Г. В. Свиридов также точно и правдиво чувствовал нравственную глубину русской национальной культуры.

Русская идея в этом смысле – это *нравственная антроподицея*. Смысл истории, бытия человека в истории сводится к нравственному оправданию мира, оправданию и спасению человека. Историософия становится сотериологией. Не наказать человека, а простить его – сущность русского этического подхода к виновности человека. «Как можно оправдать человека?» – такой же русский вопрос, как и вопрос о смысле жизни, который, как говорил А. Гулыга, впервые поставлен русскими. И для русской историософии в ее нравственном измерении также важны имена Н. Гоголя, В. Одоевского, Ф. Достоевского, Л. Толстого, В. Гаршина, А. Чехова, И. Бунина, А. Платонова – всех тех, кто прорывался сквозь мрак, пустоту и бессмысленность к высшим началам бытия. Кто всегда пробиравался к нравственному Абсолюту.

В свете совести все видится иначе, чем в свете разума. В свете совести раскрываются бездны и ужас существования, его невыносимая суть. Например, у А. Платонова был дар чувствовать жутчайший абсурд и бессмысленность существования, дар трагического восприятия смертного бытия. Постмодернисты лишь насмеяются над жизнью человека, отрицают наличие высших ценностей и жертвенную способность человека восходить к ним. Платонов как раз вопреки этой бессмысленности, во многом создаваемой неумолимым действием смерти, стремится выйти из нее, найти абсолютный нравственный смысл всеобщего существования.

Особый пласт творчества Платонова – военные рассказы. Он показывает, как на этой самой ужасной на свете войне трагическим и парадоксальным образом обретается высший смысл существования людей, заключающийся в спасении от мирового зла, воплотившегося в фашизме, спасении России, которая призвана спасти и мир. Такова нравственная миссия России, нравственная сущность русской идеи.

Все это парадигмы нравственного оправдания человека, его часто несовершенной и порочной жизни. Только человек способен на прощение, только человек способен на вопрошание о высшем смысле. Умение увидеть хотя бы крупицу добра и света – *это огромный дар русских*. В этом самая глубокая историософская и сотериологическая сущность русской идеи, русской философии, русской культуры и Русского мира.

Философское углубление в духовное содержание русской идеи позволило выявить такие ее сущностные компоненты как эсхатологическая и нравственная историософия. По сути дела, русская историософия, начавшаяся с труда митрополита Илариона, есть историософия Катехона: «сохранить чистоту веры, удержать ее апостольскую спасительную истину». Таково духовное задание России, ее духовная миссия, которую она призвана пронести сквозь века человеческой истории. И таков духовный смысл русской идеи, чье содержание оставалось неизменным; менялась лишь форма выражения в зависимости от социокультурных, духовных, общественно-политических обстоятельств той или иной эпохи.

Россия сильна и богата своей историософской мыслью, которая представлена в двух измерениях: *эсхатологическом и нравственном*. Первая идет от православия, вторая – от философии и литературы. На высшем он-

тологическом уровне они смыкаются, образуя сущностное своеобразие русской философии и культуры. И здесь невозможно определить, что первично: историософская направленность определяет специфику и самобытность, или эта специфика предполагает глубокую историософичность. В любом случае они взаимосвязаны: от «Слова о законе и благодати» митр. Илариона до работ В. В. Кожина и А. С. Панарина – это непрерывное размышление о России, ее судьбе, ее духовной миссии в контексте и на фоне мировых исторических судеб, забота о человеке, его нравственном оправдании и спасении. И поэтому нельзя говорить о национальном изоляционизме и даже нарциссизме России, как часто это бывает. Как раз «вселенскость» и «всечеловечность», о которых говорил Ф. М. Достоевский, церковные иерархи и религиозные философы, и составляют духовную и нравственную сущность историософской парадигмы Русского мира, его исконную русскость.

Мы полагаем, что задача современной культурной политики заключается в том, чтобы разработать такие программы духовного и общественно-политического развития России, содержание которых базировалось бы на нравственно-религиозных ценностях, выработанных в недрах отечественной историософской традиции, основные направления которой мы представили в данной статье.

Список литературы

1. *Архимандрит Константин (Зайцев)*. Чудо русской истории: сборник статей, раскрывающих промышлительное значение исторической России, опубликованных в зарубежной России за последнее двадцатилетие. Jordanville: Holly Trinity monastery, 1970. 315 с.
2. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. Москва: Правда, 1990. 608 с.
3. *Гумилев Л. Н.* Выбор веры // Гумилев Л. Н. Всем на завещана Россия. Москва: Айрис-пресс, 2012. С. 61–66.
4. *Даренский В. Ю.* Историософия архимандрита Константина (Зайцева) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 75–91.
5. *Дверницкий Б. Г. Н. Я. Данилевский – основоположник русской историософии* // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. № 4. С. 283–290.
6. *Демин И. В.* Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии. Самара: Издательство СГА, 2016. 240 с.

7. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. Москва: Русская книга, 1993. С. 285–333.
8. Ильин И. А. Наши задачи // Ильин И. А. Собр. сочинений в 10 томах. Том 2. Книга 1. Москва: Русская книга, 1993. 496 с.
9. Кожин В. В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура. Москва: Институт русской цивилизации, 2012. С. 45–74.
10. Константин (Зайцев), арх. Чудо русской истории. Москва: Форум, 2000. 863 с.
11. Кочеров С. Н., Париков О. В. Философия русской идеи: Монография. Москва: Издательский Дом «Русская Философия», 2022. 300 с.
12. Макаров А. Нравственные воззрения Илариона Киевского // Альманах библиофила. Выпуск 26. Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988). Москва: Книга, 1989. С. 76–89.
13. Маркова Т. В., Шетулова Е. Д. Историсофия С. Л. Франка: вопрос об общественном идеале // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 9–1 (72). Pp. 94–96.
14. Мильков В. В. Иларион // Философская антропология. 2019. Т. 5. № 1. С. 102–121.
15. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / Предисл. митрополита Иоанна (Снычева). Москва: Институт русской цивилизации, 2011. 176 с.
16. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. (На фоне катаклизмов XX века). В двух томах. Том первый. Москва: Русская Идея; Санкт-Петербург: Русская Лира. 2020. 544 с.
17. Свиридов Г. Музыка как судьба. Москва: Молодая гвардия, 2002. 798 с.
18. Семиконов Д. В., Лебедев И. А., Аксенов А. В. Соборность как метафизическая категория в религиозном персонализме В. С. Соловьева, протоиерея Сергия Булгакова и архимандрита Софрония (Сахарова) // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 1.
19. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1 (1). Москва: Правда, 1990. 491 с.
20. Хоменко Д. П. Проблема «Русского мира»: теория и историография // Genesis: исторические исследования. 2022. № 6. С. 143–156.

*

Поступила в редакцию 04.04.2023